

5. Чаадаев П.Я. Философические письма, адресованные даме. Письмо первое // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989. С. 128.
6. Белинский В.Г. Руководство к всеобщей истории // Белинский В.Г. Собрание сочинений в 9 томах. М., 1979. Т. 4. С. 392.
7. Хомяков А.С. О старом и новом // Хомяков А.С. Сочинения в 2 томах. М., 1994. Т. 1. С. 463.

Сазыкина О.П.

Кризисы в отечественной исторической науке (XIX –XX вв.)

Последние десятилетия XX столетия войдут в анналы отечественной науки как время весьма насыщенное противоречивыми тенденциями. Уже в конце XX века в трудах отечественных историков этот период характеризуется определенным термином – кризис. Однако, необходимо заметить, что такая ситуация характерна и для мировой исторической науки. Связано это, как справедливо отметила Л.П.Репина, не только с накопившимися проблемами внутреннего развития мировой науки, но и с ломкой культурной парадигмы, которая вызвала пересмотр эпистемологических основ гуманитарного знания (1). Вполне очевидно, что события бурного века двадцатого радикально изменили мир, а также и положение исторической науки в системе духовных ценностей и ориентиров.

Кризисные явления назревали в отечественной историографии еще в 1960-е годы XX столетия, когда исторические исследования выходят на новый уровень и в конечном результате приходят к столкновению или в противоречие с истматовской теорией. Дискуссии шестидесятых годов позволили поднять на новый уровень обсуждение формационных проблем. Тем не менее, исследователи полагали, что их можно решить в рамках марксистского подхода, при условии преодоления его догматизма (2). Таким образом, если говорить о периоде 60-х годов как о начале кризиса, то справедливо назвать его концептуальным кризисом. Нас же в первую очередь интересуют явления более глубокие, которые связаны не столько с крахом традиционных концепций и оценок, а с процессом методологического перевооружения исторической науки. Таковые находят свое проявление в 80-е годы XX века и непосредственно связаны с эпохой «перестройки». В это время в советском обществе начинается пропаганда «общечеловеческих ценностей», а для советской исторической науки наступает время критики классового подхода, неизбежно переросшей в критику марксизма как такового. Можно долго размышлять обо всех негативных и позитивных явлениях явившихся следствием столь быстрого отказа от господствовавшей в исторической науке парадигмы. Важно отметить главное - современный кризис исторической науки связан, прежде всего, с пересмотром устаревшей теории – теории исторического материализма. Основными составляющими, которой являлись марксизм, позитивизм и гегельянство, связанные в одну целостную систему (3). Данная теория исходила из материалистического понимания истории,

претендовала на всеобщность и ставила перед историками основную задачу – изучение неизменных общеисторических законов. Эта методология нашла применение для изучения социально-экономического, политического развития общества, оставляя на втором плане исследование культуры, духовности, психологии как коллективной, так и индивидуальной. То есть основное внимание уделялось развитию производства, производительных сил и производственных отношений. Между тем, в центре истории всегда стоял человек. В марксистской науке человек присутствовал лишь номинально – или как нечто абстрактное или же в виде значимых фигур, проявивших себя в политике, управлении государством, войнах и восстаниях. Вне интересов историков оставались стереотипы мышления и поведения человека, непосредственная сфера его социальной жизни. Постепенно старая традиционная историография ушла в прошлое. Рассыпалась незыблемая ранее методологическая парадигма, ставившая предел развитию и обновлению исторической науки.

Отечественная наука начала поиски новых подходов, методов исследования обратившись к опыту историков Запада, накопленному, прежде всего в сфере социальных наук. Особенно восприимчивой в этом отношении оказалась медиевистика, именно в этой отрасли исторической науки началось постепенное смещение исследовательского ракурса с традиционной социально-экономической сферы на изучение духовной жизни человека и питающих ее социально психических импульсов, мотивов поведения (4). Это направление в исторической науке, которое исследует непосредственно структуру мысли, представления и верования человека конкретной эпохи, получило название – историческая антропология. С освоения этого подхода начались попытки преодоления методологического кризиса в отечественной исторической науке. Большое влияние на этот процесс оказали труды представителей так называемой «Школы Анналов». В историографии принято считать отправной точкой данного направления 1929 г., когда М.Блок и Л.Февр основали журнал, давший название этой школе. Но дело в том, что еще в самом начале XX в. в отечественной медиевистике появлялись исследования, которые во многом предвосхитили основные идеи этого направления. С чем это связано? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к рассмотрению тех процессов, которые шли в русской исторической науке в конце XIX- начале XX вв.

Этот период не перестает привлекать внимание исследователей. С одной стороны, он действительно характеризуется высоким профессионализмом научных подходов, с другой стороны - этот период связывается с серьезным кризисом науки и поисками новой методологии. В советской историографии кризис рубежа XIX-XX вв. связывался с отходом «буржуазной исторической науки» от достижений, выработанных в XIX веке. Признаки этого отхода исследователи видели, прежде всего, в отказе от

признания закономерности и поступательного характера общественного развития, в субъективистских установках в методологии и так далее. Научный кризис выводился напрямую из социального и связывался с переходом капиталистического общества в стадию империализма (5). Соответственно выделялись и стадии его углубления (6). Такой взгляд предполагал выход буржуазной историографии из кризисного состояния исключительно в ее капитуляции в теоретико-методологической сфере и переходе на позиции марксизма. Существуют различные точки зрения и о природе кризиса. Некоторые исследователи связывали кризис с крахом идей российского либерализма в ходе революции (7). Другие - основное внимание уделяли внутренним тенденциям развития исторической науки с учетом ее социальной природы (8). Л.И.Хмылев связывал зарождение кризиса с начавшимся процессом ее теоретического перевооружения исторической науки (9). Развернутую характеристику понятию кризиса дает С.П.Рамазанов. Он понимает под кризисом коренную ломку в исторической науке ранее господствующих в ней теоретико-методологических положений, которая выражается в смене ведущих позиций одного методологического течения другим и обострении борьбы течений в буржуазной историографии (10).

Все авторы сходятся в одном, что процессы, протекающие в русской исторической науке на рубеже XIX-XX вв. связаны с кризисом позитивизма в теоретико-методологической области. Позитивизм XIX в. представлял собой сложное течение, отличавшееся большой пестротой и эклектичностью, как политических, так и теоретических взглядов. Основное содержание позитивистской парадигмы истории можно свести к следующим положениям: гносеологический оптимизм и рационализм, вера в возможность средствами науки познать и преобразовать в благоприятную для человека сторону мир; утверждение единства научного знания; стремление «подтянуть» историю до уровня естественных наук за счет реализации в ней основных идеалов и норм естественного исследования; объективизм; признание существования законов развития общества; признание наличия прогресса в истории человечества.

Разочарование ученых в познавательных возможностях исторической науки отразилось в неокантианстве. В данном случае большое влияние оказали труды таких представителей этого направления как В.Виндельбанд и Г.Риккерт. Они обратили свой взор на человека как существо социальное. Предметом истории они видели не только духовную жизнь человека, но и вообще всю культурную жизнь человека. Цель исторического познания – в изучении культуры как многообразия ценностей. Неокантианцы выделяли науки о культуре, как обладающие особым познавательными приемами, направленными на выявление индивидуальной истинности как высшей ценности исторического познания.

Итак, кризис исторической мысли конца XIX- начала XX вв. проявился в кризисе позитивизма и «повороте угла зрения в сторону человека» (11). В России это нашло отражение в трудах исследователей, которых в историографии обычно объединяют в рамках культурно-исторического направления (12). Достойными представителями этого направления были Л.П.Карсавин и О.А. Добиаш-Рожественская, ученики И.М. Гревса, основателя Петербургской школы медиевистики. Именно они первыми обратились к исследованию культуры и места человека в культуре, как ее носителя.

К сожалению, это направление просуществовало недолго. В 30-е годы XX в. историческая наука столкнулась с рядом трудностей, которые тормозили ее поступательное движение. С утверждением марксизма в качестве государственной идеологии у историков не оставалось иного выхода, кроме как принять теорию исторического материализма. Историческая наука как бы вернулась назад к тому состоянию, которое было характерно для рубежа XIX-XX веков, поскольку, как уже отмечалось выше, одной из составляющих этой теории наряду с марксизмом был позитивизм. Таким образом, можно сделать вывод, что современный кризис в отечественной исторической науке конца XX в. во многом связан с тем, что остались не решенными проблемы кризиса рубежа XIX - XX вв. Требуется переосмысления деятельности представителей культурно-исторического направления, что может способствовать решению ряда дискуссионных вопросов в нашей науке. Выход из кризиса следует искать не только на пути освоения опыта, накопленного западной исторической наукой, но и углубленного изучения методологических систем, выдвинутых в конце XIX-XX вв. в отечественной исторической науке, в медиевистике в частности.

1. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 4.
2. Ким О.В. Проблема азиатского способа производства в советской историографии (20-е годы – начало 90-х годов). Автореф. дис. канд. ист. наук. Кемерово, 2001. С.17.
3. Хмылев Л.Н. Проблемы кризиса современной исторической науки // Историческая наука на рубеже веков. Материалы всероссийской конференции. Т.1. Томск, 1999. С.43.
4. Ястребицкая А.Л. Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике // Одиссей. Человек в истории. М., 1991. С.86.
5. См. Кон И.С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1958.
6. См.: Искендеров А.П. Основные черты и этапы кризиса буржуазной исторической науки // Новая и новейшая история. 1980. № 5.
7. См.: Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М., 1985.
8. См.: Ковальченко И.Д., Шикло А.Е. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX- начале XX века // Вопросы истории. 1982. № 1.
9. См.: Хмылев Л.Н. Методологические аспекты кризиса русской либеральной историографии (90-е гг. XIX в – 1917 г.) Канд. ист. дис. Томск. 1970.
10. Рамазанов С.П. Методологический кризис в российской историографии начала XX века: сущность и основные этапы. Томск, 1995. С.68.
11. Федотов В.Г. Методология истории сегодня // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С.62.
12. См.: Гутнова Е.В. Указ.соч. С.361-370.